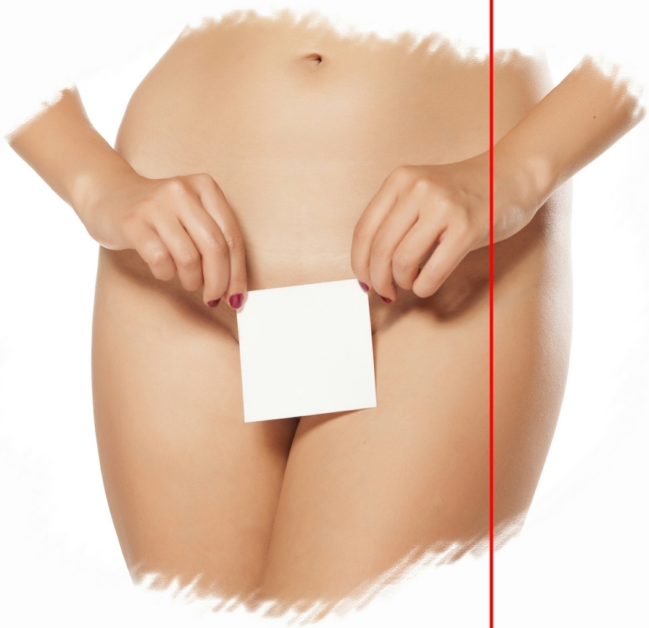

Елена Стриж

Начало

18+

Елена Стриж
Начало. Часть 1
Серия «Секс. Любовь
в процентах», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48812285

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-93069-8

Аннотация

Книга 1. Что такое первый секс в нашем понимании? Смешно задавать такой вопрос? Но, увы, не все знают, что это. Книга поэтапно раскрывает сексуальное поведение (экстрагенитальные и генитальные формы половой жизни). Следующий шаг – половой акт, но и он скрывает много тонкостей (аутофелляция, куннилингус, фелляция, анилингус, teabagging и т.д.). Вам книга точно понравится.

Содержание

Внимание!	4
Предисловие	5
Странные эти девочки	9
Я увидел в ней цветок	19
Придется быть счастливой	29
Розовая лента	38
Сон	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Елена Стриж

Начало. Часть 1

Внимание!

В книге присутствуют описания эротического и сексуального характера.

Предисловие

Книга состоит из **двух** частей.

«Любовь есть единственная разумная деятельность человека» (Л. Н. Толстой)

Первый секс. Что это? Вроде банальный вопрос, но чтобы на него ответить, нужно разобраться с самим понятием, что означает слово **«секс»**.

Большинство представляют, что секс – это проникновение мужского полового органа в женский, НО... Существует такие понятия, как **сексуальное поведение** и **половой акт**.

1 Сексуальное, или половое поведение человека (от лат. *Sexus* «пол») – совокупность психических реакций, установок и поступков, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения человека.

Экстрагенитальные формы половой жизни.

Название этой формы происходит от японского названия профессиональных артисток, развлекающих своих клиентов (гостей) танцем, пением, ведением чайной церемонии, бесе-

дой.

Первой среди экстрагенитальных форм половой жизни является платоническая любовь, которая представляет собой близкие (любовные) отношения между двумя людьми, не сопровождающиеся сексом в узком смысле слова. Половая жизнь может ограничиваться этой формой по причине невозможности интимных отношений в паре в силу возраста партнеров или состояния их здоровья, либо при отсутствии взаимного стремления партнеров к генитальным контактам.

Танцевальные движения во многих случаях сопряжены с тесным контактом между партнерами, играют важную роль в процессе знакомства. Эротизм многих видов танца (например, танго) неоспорим.

Генитальные формы половой жизни.

Суррогатные и заместительные формы половой активности:

Поллюции – естественное, непроизвольное, происходящее чаще всего во сне (часто сопровождающееся приятными сновидениями).

Мастурбация – форма удовлетворения индивидом полового влечения путем раздражения собственных эрогенных зон или эрогенных зон партнера.

Фингеринг – способ достижения полового возбуждения женщины и ее половой стимуляции при воздействии паль-

цем руки на наружные половые органы.

Петтинг – получение оргазма возбуждением различных эрогенных зон (поцелуи, объятия, поглаживания, совместное трение гениталий и т. д.).

2 Половой акт (также половое сношение, совокупление, коитус, соитие, пенетрация и копуляция, *разг. секс*) в традиционном понимании – генитальный контакт двух особей с целью получения полового удовлетворения (наслаждения), а также для продолжения рода.

К половому акту также относятся:

– **Анальный секс.**

– **Оральный секс**

Существуют несколько видов орально-генитальных контактов: **Минет, Аутофелляция, Куннилингус, Фелляция, Анилингус, Иррумация, Teabagging.**

Теперь мы знаем, что **секс** состоит из двух важных частей – **сексуальное поведение** и сам **половой акт**.

Книга для удобства состоит из **двух** частей.

Часть – 1 Рассказы показывают множество вариантов первого сексуального поведения, а также самого акта. В некоторых случаях это романтическое наваждение, как сон, или эротические фантазии, поцелуи, ласки.

Часть – 2 Действия переходят в активную фазу. Но иногда в первом сексе есть и негатив, ревность, недопонимание, злость и насилие.

«Без любви жить легче, но без нее нет смысла» (Лев Толстой)

Странные эти девочки

Он заметил её, когда Свиридова перебежала на красный

свет и, придерживая у груди большой кулек, направилась в сторону поликлиники. Ему было как раз по пути, Андрей ускорил шаг и через минуту догнал свою одноклассницу.

– Привет, – крикнул он ей вдогонку, видя, что не успевает за ней.

– А? – Аня на ходу оглянулась и, не сбавляя шага, продолжила свой путь.

– Привет, – еще раз поздоровался он с ней.

– Привет, привет, ты тут откуда?

– Вообще-то я рядом живу, вон за тем парком. Видишь красную крышу, мой дом.

– А...

– Помочь?

Он, конечно же, не джентльмен, и ему не совсем по пути, но все же его так воспитали, что девочкам, женщинам и, конечно же, бабушкам надо помогать.

– На, – словно только этого Аня и ждала, всучила ему тяжеленный кулек.

– Ого, что там?

– Пленки, катушки и колонка. У Притужалова одна, она слабая, а у меня на 15 ватт, круто будет. У брата взяла, с трудом выпросила.

– А зачем ему колонка?

Андрей ускорил шаг, поскольку Аня уже свернула во двор.

– Сегодня вечером танцы. Ах, да, ты же не приглашен,

извини, там только свои.

– А я, значит, не свой?

– Нет, там девичник.

– А Притужалов что, тоже девчонка?

– Нет, он у нас диск-жокей, понял!?

– Хм, ему значит можно, а мне нет, так не честно. Тоже хочу.

– Нет, там Малютина заправляет. Разрешит, приходи.

– Да вот еще, нужны мне ваши танцы-зажиманцы.

Именно так и назывались спокойные танцы, вроде, как и далеко друг от друга, как говорила Горшкова, на пионерском расстоянии, но все же это, наверное, единственная возможность нормально прикоснуться к девчонке. Те, правда, делали вид, что им все равно, мол, вам надо, вот и обнимайте нас. Хотя какое там обнимайте, руки как по команде на талию и все. Нет, танцы – это, конечно же, интересно, можно подрыгаться, хоть разрядка, а медленные... «Бе...», – подумал Андрей и представил, как он мог бы с Малютиной вот так танцевать. Она близорукая и носит очки, а когда снимает, такая потешная.

– Да и не нужны мне ваши танцы, я лучше с Веркой буду танцевать.

– С Веркой? – Аня резко остановилась и посмотрела на Андрея. – Кто такая? Семенова или Нестерова?

– Кошка у меня дома, я ее так называю.

– Хм... Верка?

– Ага, она все время спит как Семенова, а если что спросишь, то смотрит на тебя непонимающими глазами. Но стоит пойти на кухню, она тут как тут. Точно Семенова.

– Дурак.

– Зачем обзываешься? Я ведь так, можно сказать, по секрету рассказал тебе.

Девчонки очень любят секреты, даже такие глупые, как про кошку, это как бы знак доверия.

– Ладно, я спрошу у Малытиной, может, разрешит, ведь придет Копьев и Козлов...

– Что? – Андрей возмутился. – А говоришь девичник!

– Ну, это мы так, только свои. А что ты можешь принести?

– Принести?

– Да, каждый несет что-то свое. А ты что?

– Это что-то вроде членского взноса?

– Пусть так. Ну, так что?

– У меня есть дома газировка, две бутылки, а еще кусок вафельного торта, но я его надкусил, на вечер оставил.

– Не густо, но газировка – это хорошо.

– У меня есть еще конфеты с нового года, правда, шоколадные все съел, но штук двадцать, наверное, будет. Хватит?

Они вошли в подъезд и, поднявшись на второй этаж, Андрей протянул ей кулек.

– Держи, я пойду.

– Стой, я сейчас, подожди меня у окна.

Андрей спустился на площадку. У Притужалова странная

мама. Однажды он заходил к нему домой, стучался, слышал, как кто-то за дверью шубуршал, смотрел в глазок, но так и не открыл. Тогда он от злости пнул дверь.

Через пару минут спустилась уже не Аня, а сама Малютин-на Таня. Она так-то была ничего, даже можно сказать красивой, а вот в прошлом году была полной, странно, как она за год так постройнела.

– Так-так, – начала было она, это явно ничего хорошего не предвещало.

– Ладно, я пошел.

Она что-то ему в спину вякнула, но он не стал ее слушать, от обиды выскочил на улицу и быстро пошел домой. «Надо мне больно ваши танцы, вот еще», – говорил он сам себе. Да, он не любил танцы, считал их игрой девчонок, словно он индеец и должен трястись, еще бы в руки копье и костер.

– Да ну вас...

– Андрей, стой! – услышал он за спиной крик Ани.

– Что еще?

Ему, конечно же, было приятно увидеть ее, особенно то, что она выскочила на улицу без куртки, а ведь холодно.

– Ну, ты что убежал?

– Некогда мне, свои дела...

– Приходи сегодня к семи, все согласились.

– Все?

– Ну да.

– А ты?

– Я же сама их спросила. Придешь? Прошу, приходи.

– Ну, я... – он замялся, в душе все еще была обида на Малютину, но ему и правда хотелось побыть среди девчонок. – Ладно.

– Все мы тебя ждем, не забудь конфеты и газировку, как обещал.

– Хорошо.

Настроение сразу изменилось, Андрей прибежал домой, достал, что обещал, и сложил в кулек. Нашел у отца туалетную воду и побрызгался ею.

– Ну вот, – довольный собой, он посмотрел на себя в зеркало, на всякий случай причесался и, посмотрев на часы, пошел одеваться. – Пора, а то еще опоздаю.

Подходя к квартире Притужалова, услышал, как за дверью играет музыка, пришлось подождать, пока кто-то не услышал его звонка и не открыл.

– Опять ты! – дверь открыла Малютина.

– Заходи, – она взяла из его рук кулек, заглянула в него и как таможенник дала добро. – Что убежал?

– Да ты...

– А, пришел, – в коридоре появились Оля и Ира. – Идем, поможешь отодвинуть диван.

Маленькая двухкомнатная хрущевка, с одной стороны балкон, телевизор, стол и шкаф, а с другой стороны диван и комод. Тут танцевать только в центре, да и то осторожно, чтобы не пошибать других.

– Я рада, что пришел, – из кухни появилась Аня. – Идем, поможешь нам.

– Сперва пусть диван пододвинет.

Вот что значит. Нет парней, одним стол двигай, другим надо достать стаканы с верхней полки, а после еще и поднос. Притужалов с деловым видом пыхтел у своего катушечного магнитофона, таскал то влево, то вправо колонку. А после загорелся ночник, и замигали лампы цветомузыки.

Андрей старался не участвовать в вакханалии быстрых танцев. Они были похожи на электро брейк-данс, словно по полу пустили ток, и все начинали дергаться. Со стороны это смотрится уморительно. У кого-то было серьезное лицо, словно он вышел к доске отвечать домашку. А кто-то так расплылся в американской улыбке, что можно было пересчитать все зубы. Но кто-то просто улыбался и наслаждался электрическим ритмом музыки.

Андрей старался избегать этого всеобщего помешательства, он ушел на кухню готовить бутерброды.

– Один? – почти крича, спросила Аня.

– Что? – Андрей с трудом слышал ее голос в грохоте музыки.

– Один?

– Да!

– Помочь?

– Да!

Во всей этой дискотеке ему нравились перерывы, тогда

Притужалов запускал что-то поспокойней, и парни, а их было всего-то четверо, шли выбирать себе дам. Ну прямо малина. Тут главное не обидеть, с одной и той же дважды танцевать нельзя, все по очереди.

Он не заметил, как прошло время, как на часах уже показывало девять, а он обещал быть дома не позже десяти. Кто-то из девочек, кому нужно было уезжать, пошли одеваться. Андрей с каким-то беспокойством посмотрел, кто уходит, опять заиграла спокойная музыка.

– Можно тебя пригласить? – спросила Аня.

«Белые танцы» – это медленный танец наоборот, обычно приглашают парни, так принято, а когда объявляли «белый», то парни ждали своей участи, кто пригласит их. Это не просто танец, это гораздо больше. Так девочки намекали парням, что он ей нравится.

– Да, – сразу сказал Андрей и пошел за Аней.

Хлопнула входная дверь. Около балкона на одном месте мялся Копьев, держа в руках Моторину, словно это рулон ковра. Ближе к кухне неуклюже крутился Козлов с Верой Бородиновой. Смешно, он такой маленький, а она высокая, на голову выше его. Притужалов не отходил от своего магнитофона и бдил, словно он куда-то убежит.

– Спасибо, ты помог нам. Понравилось?

– Ага, – честно признался он.

– Ну, ты чего так держишь? Можно и покрепче.

Медленные танцы, они мало чем друг от друга отлича-

лись, тут главное положить ладонь на талию. Правда, кто посмелей, мог и прижать партнершу к себе, но это не всем удавалось, и точно уж не Андрею. В прошлый раз он танцевал с Устиновой, ладонью чувствовал, как она вспотела, а вот Вера, та была словно резиновая, холодная.

Андрей набрался смелости и чуть сильнее прижал ладонь к ее телу. Аня улыбнулась и, как ему показалось, подошла чуть ближе. Стало тяжело дышать и жарко. Перебирая пальцами, Андрей ощущал сквозь ткань ее тело, так приятно и необычно. Девочка заулыбалась и как-то стеснительно опустила глаза вниз.

– А это здорово.

– Что? – когда закончилась музыка, спросила Аня.

– Танцы.

– Мне тоже нравятся, – она опять улыбнулась, и как только Притужалов запустил очередную спокойную мелодию, она тут же пригласила его. – Потанцуешь со мной?

– Ага, – растеряно ответил он и, уже не так стесняясь, положил ладонь ей на талию.

Девчонки – странные создания, вроде как человек, то есть как парень, и в то же время нет. Раньше Андрей не очень обращал на них внимание, дружил, дрался. Но теперь, танцуя с Аней, он понимал, что тут что-то не то. Ему было приятно с ней, и неважно, какую глупость она говорила, раньше бы заткнул уши и демонстративно отвернулся, но сейчас нет. Она в такт музыки чуть виляла бедрами, а он старался попасть в

ее ритм, но двигался неуклюже.

– Спасибо.

– Ну я...

– Теперь твоя очередь.

– Какая очередь? – не понял ее вопроса.

– Меня пригласить.

– Можно? – сразу сказал Андрей, и когда увидел на ее лице улыбку, сделал шаг назад.

Он не разбирался в музыке, у них дома был проигрыватель для пластинок, но там в основном классика, да еще несколько маминых пластинок. Аня чуть вильнула бедрами, и его рука заскользила по ее кофте. Андрей почувствовал под тканью углубления от ремня на брюках. Она хихикнула и опустила взгляд на пол.

«Все же странные эти девчонки...», – подумал Андрей и осторожно прижал пальцы к ее телу.

Я увидел в ней цветок

Я весной окончил школу, сдал экзамены и поступил в институт на геофизика. Мама уверяла, что на сегодня это неактуальная профессия, что в период развития бизнеса необходимо поступать на юридический или экономический факультет, но я об этой профессии мечтал с детства. Помню, как рассматривал фотографии дядь Юры, когда он покорял север. Палатки, лопаты, дождь и снег, всколоченная борода и совершенно счастливый взгляд. Это мне напоминало приключения авантюристов в Америке, что бороздили девственные леса в поисках затерянных миров.

Моя мечта сбылась. В сентябре посетил свою первую лекцию. Я по-другому взглянул на жизнь и понял, что взрослею. На меня уже иначе стала смотреть мама и отец, а школьные друзья относятся ко мне даже с почтением. Младшая сестренка таскала меня где только можно, показывая втихушку своим подружкам, как музейный экспонат. Мою грудь переполняла гордость за самого себя.

Я всегда думал, что время летит медленно, от урока к уроку, от понедельника ко вторнику, а от него не спеша до субботы, но в институте понял, что у времени есть и другая сторона измерения. Первые месяцы пролетели незаметно, был удивлен, когда увидел на улице снег. Когда прошли дожди и слетела листва, так и не увидел, но снег, он вот тут. А второй

раз опомнился, когда зашел в подъезд и уловил знакомый запах апельсинов. «Боже, а ведь уже скоро Новый год», – подумал я и в голове промелькнули воспоминания. Какой стол без апельсинов? Это как нельзя представить елку без подарков, а зиму без снега.

Не только я вспомнил про Новый год, но и мои друзья. Каждый из них предлагал свой вариант, нужно как-то необычно, да хоть в лесу. Родители были категорически против данного предложения. Им хотелось побыть около нас, хотя понимали, что я уже взрослый, и за ручку водить хоро-вод и рассказывать стишки уже не буду. Они слушали меня, но в то же время корректно поправляли идеи в нужное русло. Было решено отмечать Новый год дома. У нас квартира огромная, отец участвовал в бизнесе и мог позволить иметь такую. В своей собственной комнате я мог творить все, что захочется, сделал из нее спортивный зал и библиотеку.

Однажды отец купил мне микроскоп, он сделал это вовремя, иначе бы к нему не подошел. Я не увлекался биологией, а что еще можно было смотреть через него, только крылышки да лепестки цветов. Однако я ошибался. Смотрел все, начиная от простой бумаги и своего ногтя и кончая тонкой пылинкой и паутинкой. Я понял, какой удивительный этот микромир, мы его просто не видим, это параллельная вселенная. Как мало я знаю, и смогу ли постичь хотя бы часть этого невидимого мира?

Люблю свой дом и свою комнату. И поэтому, когда было

принято решение встречать Новый год у нас, очень обрадовался. Я действительно стал взрослей, и уже не ждал, что посоветуют мои родители.

Было ощущение, что такой зимы еще не было. Снега на улице навалило огромные кучи, мне хотелось петь как в детстве. Сам себе удивлялся, что это со мной. А за два дня до Нового года ударили морозы. Даже легкий ветерок уже обжигал лицо, снег хрустел, и ноги начали замерзать. Моя дурацкая привычка ходить даже зимой в ботинках с тонкой подошвой могла привести к тому, что я просто заболею.

На какой-то период времени я забыл про зиму, про снег и про время, мне нужно было сдать зачеты. Волновался как маленький мальчик, который первый раз вышел на сцену, голос не слушается, полный зал народу, а ты на сцене и все ждут только тебя. Но когда ты заканчиваешь свой стих, гора спадает с твоих плеч и последние слова готов уже кричать. Так и я, последний зачет, хотелось избавиться от него и окунуться в новогоднюю сказку.

Желающих отмечать у нас праздник набралось немало. Пришли мои школьные друзья, что разбежались по разным институтам. Пришли и новые, с которыми познакомился на факультете. Пришли подружки моей маленькой сестренки Маришки. Только младший брат бегал один, он был как в малине, ему было дозволено все, или почти все.

В свои восемнадцать лет считал себя здравомыслящем парнем, и то, что буду играть в игру «Дракон», не мог себе

даже представить. Это полный улет. Голова дракона пытается схватить свой хвост, а хвост не слушается никого и бежит, куда ему вздумается. А после мы с завязанными глазами друг с друга снимали прищепки, визга было хоть отбавляй. Отгадывали совершенно идиотские загадки. Например: что такое или кто такой – две руки, два крыла, два хвоста, три туловища, три головы и восемь ног. Что мы только не придумали, и инвалид, и единорог, и новоиспеченный супермен, все перебрали, а ответ оказался до глупости прост: всадник, на коне держащий в руке курицу. Вы бы до это смогли додуматься? Мы нет. Было еще множество конкурсов. К двенадцати часам все упарились и изрядно устали. Всем хотелось отдохнуть, молодежи покурить, девчонкам посплетничать.

Пробило двенадцать часов. Все как в тумане. Громкое «ура!». Кто-то облился шампанским, кто-то замолчал, загадывая желание, кто-то кого-то чмокнул в щечку. Мы дружно опустошили бокалы и как по команде с гиканьем набросились на салаты. Что творилось на улице, просто артиллерийская артподготовка. Грохот, свист и шипение ракет, треск пикард и вспышки бенгальских огней. Все ринулись к окну, кто посмелей, выбежал на балкон. Новогодний фейерверк продолжался минут двадцать. Сестренка каким-то чудом протиснулась сквозь плотное кольцо к окну и стояла рядом со мной. Она начала дрожать, но глазенки смотрели в ночное небо, рассматривая в нем все новые и новые вспышки.

Мама и отец были с нами. Они командовали кухней, хотя зря, там хватало помощников. Нам хотелось прыгать, танцевать и петь. Сперва были жаркие танцы. Не то, чтобы жаркие, это от них было жарко, поэтому и жаркие. Несколько раз возвращались к самым крутым мелодиям и снова начинали дергаться под музыку. Да, представляю, если бы наши танцы в девятнадцатый век, да еще в Европу, нас бы точно сожгли на костре.

К двум часам ночи уже изрядно устали, кто-то сходил прогуляться, и не один. Я же в эту ночь был одинок. Мне нравится девушка из параллельного факультета, даже не знаю, как ее зовут, просто нравится и все. Порой мне кажется, что я ее люблю, а может просто придумал это для себя, иначе давно бы познакомился. Загадка. Любишь, не любишь. Старался об этом не думать. Надо набраться смелости и познакомиться. Но как? Ведь не подойду же вот так и не скажу «Здрасьте, это я». Ладно, когда кончатся каникулы, в первый же день обязательно подойду к ней.

Уже заиграла спокойная музыка, телек показывал, но звука не было. Несколько друзей пошли одеваться, им далеко добираться. Мама, я и братишка вышли провожать. За спиной журчала музыка, я кивал друзьям и похлопывал их по плечам. Ребята ушли, в доме стало тихо. Я сидел в зале и слушал музыку. Маришка, высоко задирая голову, танцевала с Виктором, моим однокурсником, а ее подружка Жанна гордо смотрела на своего кавалера, словно это ее принц.

Я отдыхал. Только сейчас начал ощущать, как устал за эти полгода учебы. В моих руках был фужер, да и не только в моих. К фужерам частенько прикладывались наши дамы, морщились от лопающихся пузырьков, косились по сторонам и, улыбаясь, делали робкие глотки.

Я почувствовал легкий туман в голове, мне стало очень легко и спокойно. Смотрел на всех как будто со стороны, вроде бы с ними, и в то же время нет. Братишка, несмотря на свой юный возраст, начал порой по-взрослому смотреть и слушать. А сестренка, она словно переродилась из гусеницы в бабочку, все порхала по комнате. Она находится в таком возрасте, когда начинаешь задумываться над словами любовь, привязанность, чистая дружба и секс. Поэтому понимаю ее взгляды, когда она смотрит в сторону моих друзей.

Вечер удался на славу, нет грустных лиц. Мы сидели за столом и разговаривали о будущем, у всех были свои планы, пытались думать реалистичней, но все же, мы летали в облаках. За моей спиной кто-то танцевал, хихикал, порой пытался меня ущипнуть. Это Оля, подружка сестренки, они познакомились только два года назад и теперь не разлей вода.

У Маришки глаза были широко открыты, она боялись пропустить вокруг себя хоть что-нибудь. Но вот голова все чаще и чаще стала искать опору, а руки стали опускаться. Было видно, что она устала, сознание боролось, но тело диктовало свои правила. Я встал и подошел к сестренке.

– Пойдем отдыхать, – я старался говорить мягко, хотя у

самого чувствовалось, что в голове шумит, и ноги почему-то стали ватными.

– Нет-нет, я себя отлично чувствую, – последнее слово она произнесла с запинкой. – Ну разве что чуть-чуть.

Танец кончился, вместо того чтобы присесть, она просто шлепнулась в кресло. Я всегда относился к своей сестре с любовью, и как брат оберегал ее во всем. Знал всех ее подружек, с кем она дружит, знал ее парня, хоть и не одобрял их отношения, но относился к ее чувствам с уважением.

Я отвел ее в спальню и попросил пока не выходить, а полежать немного, а сам пошел за крепким чаем. Однако, когда вернулся в комнату, увидел, что она сидит на полу и, уткнувшись носом себе в плечо, мирно спит. Она, видимо, хотела прилечь, но силы покинули ее. Я поставил чашечку с чаем на столик.

– Ну же, вставай, – и осторожно потряс ее за плечо, но ответа не последовало. – Ладно, тогда завтра запустим наши ракеты.

Я специально для нее оставил несколько штук.

Маришка была в вечернем платье, она его очень любила и при каждом удобном случае старалась надеть. Это было настоящее вечернее платье, как у взрослой женщины. Круглый вырез, что застегивался на шее, боковой разрез доходил до середины бедра. Спина вся открыта, контраст темного цвета ткани и белой кожи подчеркивал силуэт тела. Сестренка очень гордилась им, да и мне оно, признаться, нравилось.

Положить сестру оказалось не так-то просто. Движения были сильно скованны, я не хотел разбудить ее, делал все медленно и осторожно. Положив голову на подушку, начал укладывать ноги. Она уже не та маленькая девчонка, что была раньше. Сестренка лежала и мирно спала.

Платье смялось и сильно перекосилось. Вырез, что должен был быть сбоку, очутился спереди и кончался не у бедра, как у истинной леди, а чуть ли не на талии. Я нагнулся, чтобы укрыть ее. Маришка словно почувствовала это, потянулась, и разрез, который и без того как магнит притягивал к себе, раскрылся. Передо мной открылась белая ножка.

Я задумался о ее судьбе, о ее красоте и ее любви, и понял, что моя сестра уже выросла и стала взрослой девушкой. До этого момента я как-то не задумывался над этим, для меня она была только сестрой. Но сейчас передо мной лежала спящая принцесса. Какие мысли в ее головке крутятся? Когда укладывал, то платье сильно перекрутилось, его талия поднялась высоко вверх, и теперь разрез открывал обнаженное бедро. Странно, но на ней не было трусиков. Ох уж сестренка модница, уже сейчас начала использовать свои женские уловки. Чисто мужское любопытство подталкивало меня. Взяв за краешек разреза платья, вместо того чтобы прикрыть, пальцы оттянули ткань в сторону. Прошлогодний загар очерчивал треугольник, он тем самым подчеркивал наготу, а жиденькие рыжие волоски придавали телу невинность.

Я опустил ткань платья, но разрез остался, он как молния

шел от коленок и, сужаясь, заканчивался в районе пупка. Я смотрел на этот разрез, на ткань, что прикрывала тело, на его складки. Сестренка действительно повзрослела, она расцвела, а я этого даже и не заметил. И теперь она стала прекрасным цветком с нежно бархатистыми лепестками. Ее листочки скоро раскроются, подставив свой розовый бутон лучам солнца. Ночная роса засверкает и тяжелыми каплями упадет на землю.

Мое сердце билось. Я посмотрел на лицо сестренки, она спала и, похоже, крепко. Не знаю зачем, но прикоснулся к ее щеке, ощутил бархат кожи, подумал, какая она теплая. Коснулся ее лба, затем кончика носика. Она спала сладким сном. Мое сердце успокаивалось, когда я прикасался, и наоборот начинало биться, когда убирал руку. Пальцы коснулись ее подбородка, кончиков губ.

Она лежала на спине в той же позе, что я положил, легкий изгиб, голова повернута в сторону стены. Дотянувшись до настольной лампы, притушил свет. Какое-то время сидел неподвижно и размышлял о гадком утенке, я даже ей позавидовал. Еще раз коснулся ее щеки, замер, после ее шеи и снова замер. Надеялся, что она проснется или просто пошевелится, но Маришка спала.

Я поправил растрепавшиеся локоны, потрогал маленькую сережку, ткань платья на шее. Ладонью осторожно приподнял ее голову и расстегнул на шее застежку от платья. Мои руки немного задрожали. Я взглянул на лицо сестренки, но

оно было умиротворяющим, было счастливым.

Потянул ткань на себя, несколько волосинок зацепились за застежку. Мною одолевало мужское любопытство, что под ним. Несмотря на то, что в комнате было почти темно, ярко-белая кожа светилась. Подбородок плавно переходил в шею, от нее тянулись очертания плеч, рук, груди. Я потянул ткань платья еще и опустил. Грудь только слегка выделялась, может, она так смотрелась потому, что сестра лежала. На какой-то момент я залюбовался.

Кто-то стукнул в дверь, меня как будто ударило током. С глаз мгновенно спала пелена очарования. Я весь превратился в слух, но в комнату никто не вошел, наверно, это было случайно. Маришка спала, она улыбалась во сне. Кому, интересно? Ну ладно, мне пора. Я развернулся. Поднялся с кровати. Последний раз взглянул и вышел из комнаты.

Мне очень хотелось вернуться. Хотелось еще раз прикоснуться к ее коже. Никогда за собой не замечал такого отношения к своей сестре. Она была для меня просто сестренкой, но сейчас я увидел в ней девушку. В моем сознании застыло изображение ее ножки, нежных лепестков и пухленького животика. Я нехотя сел за стол, мама о чем-то спросила, кивнул и, сделав глоток шампанского, подумал о том, как прекрасно начался Новый год.

Придется быть счастливой

Ну, что же, придется быть счастливой, коль других вариантов нет.

Деду Шуру совсем уже скрутило, еще в прошлом году он бегал и даже ездил на лошади, а теперь совсем согнулся.

Его палочка стучала по комнате, он с трудом поднимался и, кряхтя, старался выпрямить спину.

– Ууууу...

– Болит? – спросила Света, опуская ноги на прохладный пол.

– Не то, что бы болит, но не дает развернуть.

– Что развернуть? – спросила она, ища глазами тапочки.

– Крылья.

– Хи...

– Что хихикаешь, не видела разве моих крыльев?

– Нет, – честно призналась девочка.

– Не туда смотрела, это тебе не крылья птицы, это...

– А что это?

– Ну, как тебе сказать. У каждого есть крылья, но многие про них даже не догадываются, и тогда они горбятся и опускаются к земле все ниже и ниже.

– Как бабушка?

Баба Нюра хоть и еще была молодой, но работа в поле и ее скрючила.

– Нет, то работа, это благородно, а я говорю о другом, – деда закричал, что-то у него в спине затрещало, словно сухой хворост. Облокотившись рукой о косяк двери, он выпрямился. – Пойдем, кое-что тебе покажу.

– Крылья?

– Да нет, другое. Давай, подымайся, идем. На улице тепло, можешь не одеваться.

– Ага, знаю я, тепло, во, руки в пупырышках.

– Неженка. Пойдем, а то передумаю.

Последнее слово подстегнуло Свету, и она как была в ночной рубашке побежала за дедушкой, который уже спускался по ступенькам с крыльца.

– Начал в прошлом году, после прихворал, а вот нынче весной закончил. Ты мне показывала в книге кровать королей, так вот я ее...

– Сделал?

Тогда Света нашла в журнале несколько фотографий кроватей королей с балдахином. Ей эта идея так понравилась, что она натянула в комнате веревку от шкафа к окну и повесила старую бабушкину тюль. Тогда ее скрипучий диван превратился в сказку.

– А что сделал, ну, деда, скажи.

Она шустро забежала за ним в коровник и по лестнице стала подниматься под крышу.

– Ну не совсем то, что было там на картинке, но что-то похожее.

Света залезла на второй этаж коровника, тут обычно хранилось сено на зиму. Ей очень нравилось это место, такие травяные запахи, а еще ласточки, они каждый год вили гнезда под крышей. Раньше они летали через коровник, но деда сделал им дырку сбоку у крыши, и теперь они только через нее и залетали. Отсюда можно было спуститься в огород, и сразу напрямую к реке, или через двор и на дорогу к мага-

зину.

– Принимай работу.

Света, путаясь в длинной ночнушке, наконец забралась и устроилась на... Нет, это была не царская кровать, это было намного лучше. Деда Шура каким-то образом перекинул через верхнюю перекладину толстую веревку и закрепил ее к четырем концам широкого, как плот, поддона. Получилось что-то наподобие большой качели.

– Там уже сделал струну, надо только подцепить крюк и можно натягивать марлю. Тюль выпросим у бабки, видел в комод. Всё равно ей она не нужна, а для дела пригодится. А тут я принесу тебе матрац, подушки возьмешь с полатей, снизу постелем дорожки, они летом всё равно лежат в кладовке. Только, чур, не резать их.

– Ага...

Света стояла, разинув рот, и уже представляла, как тут устроится и будет читать и спать.

– Деда... – протянула она.

– Что такое?

– Ты самый крутой дед, ты это не знал?

– Догадывался. Ну что, принимаешь работу?

– Иииии... – завизжала Света и бросилась к деду Шуре на шею, тот закричал и чуть было не упал. – Спасибо, а бабушка не будет против?

– Это ты с ней поговори, а пока пойдем, принесем все, что надо.

Уже к обеду все было готово. Бабушка Нюра согласилась, немного поворчала, сама принесла тюль и, взяв иголку с ниткой, стала подгонять ее по длине. Деда, как и обещал, принес матрас, подушки, теплое одеяло и еще кучу всякой мелочи. После он приколотил к брусу несколько полок для всякой мелочи.

– Все.

Света восхищалась своей новой царской кроватью, что покачивалась на канате. Она готова была целый день сидеть под прозрачным балдахином и слушать, как попискивали птенцы ласточек.

– Все-все, вас больше никто не тревожит, заявила она и уже хотела лечь, как услышала голос Марины.

– Светка, ты где? Дед Шура сказал, что ты в коровнике.

– Я тут, иди ко мне.

Марина, ее лучшая подружка в деревне, стала подниматься по лестнице.

– А ты что тут делаешь? Вау... – увидев царское ложе, только и смогла сказать она.

– Залазь, только обувь сними, у меня тут все чисто.

Марина заглянула вниз под кровать, потрясла ее, проверяя, насколько она крепкая, обошла и, просунув голову под тюль, заулыбалась.

– Папе скажу, чтобы тоже сделал. А выдержит двоих?

– Выдержит, выдержит, деда сидел и я. Залазь.

– Ваще, ух ты, – Марина осторожно забралась на раскачи-

вающуюся кровать. – Словно ты на море.

– Смотри, – Света ткнула рукой в потолок.

– Это что?

– Я такое видела у своей подружки дома, они привезли ее откуда-то из-за границы, называется «музыка ветра».

– Аааа... – протянула Марина. – А что она делает?

– Вот, послушай, только не болтай.

И девочки замолчали.

– Не поняла, – возмутилась Марина. – Ничего не слышу.

– Помолчи, сейчас ветерок подует и услышишь.

Они легли на спину и уставились на керамические горшочки, что были привязаны на веревках и подвешены так, чтобы чуть касаться друг друга.

– Слышала?

Марина напрягла слух, и вдруг раздался глухой стук, а после еще и еще.

– Здорово.

– Вот так лежишь, читаешь, а они тук... туки... тух...

– Да... Интересно, а если повесить кастрюлю и ложки.

– Попробуй, приду к тебе слушать.

Они весь день просидели под крышей, один раз сбегали перекусить и обратно. Лежали и мечтали, а глупые курицы кудахтали где-то там внизу.

– Ладно, я пойду, а то мамка потеряется, ругаться будет. Завтра утром прибегу. Ты когда проснешься?

– Не знаю, я тут буду спать.

– Тут?

– Ага, Ваську возьму к себе, чтобы не страшно было и фонарик.

Марина убежала, а Света еще долго лежала и слушала, как начали петь сверчки, после сходила в дом. Бабушка, правда, не хотела, чтобы внучка ночевала под крышей, но после согласилась, дав ей теплое одеяло, мол, по утрам холодно. И правда, под утро стало холодно, и Света, закутавшись в него, постаралась сладко уснуть, но не тут-то было. Сперва закричал петух, после закудахтали глупые курицы, а там уже проснулись и ласточки. Но как только пригрело солнышко, все успокоились, и Света погрузилась в свой сладкий сон.

Трудно сказать, что вообще снится. Пока ты во сне, все хорошо помнишь, но стоит открыть глаза, бах, и все испаряется. Вот почему так? Света потянулась. Под одеялом было тепло, уютно, как в берлоге у мишки, правда, она в берлоге ни разу не была, но, наверное, там уютно.

Она ощутила нежную истому, что шла откуда-то из глубины. Казалось, что летит, не то она воздушный змей, не то орел, который, расправив крылья, ловит ветер. Ее тело то поднималось, то вдруг резко опускалось. В этот момент она замирала, даже чуточку испугалась, а после опять поднималась вверх.

Сон, он такой реальный. Она открыла глаза, но тут же закрыла их и, натянув на голову одеяло, опять провалилась в свои грезы. В груди щекотало, словно кто-то водит перыш-

ком. Ночная рубашка, в которую она закуталась, вся сбилась, ладонь легла на грудь и стала ее растирать. Щекотка то проходила, то опять начинала ее помогать, но это было приятное ощущение. Пальчики коснулись двух вишенок, она уже и раньше к ним прикасалась, нравилось ощущать покалывание, переходящее в зуд, а после томление.

Света уже проснулась, слышала, как запищали птенцы. Значит, прилетела ласточка и стала их кормить. Пальчики продолжали осторожно поглаживать соски. Иногда она замирала, словно прислушиваясь к себе, и тогда на ее лице проступала улыбка. А порой, чуть надавив на них, начинала растирать, и тогда Света, тихо мурлыкая, словно превратилась в кошку, прогибалась и потягивалась до сладкой боли в суставах.

– Мммм... – промычала девочка, ощутив приятную волну, что поднималась от кончиков ног к самому горлу. – Мммм...

И вдруг совсем рядом заорал петух, прогнав остатки того сладкого состояния, из которого она не хотела выходить. Она еще немного понежилась, перевернулась на живот, а после на спину. Сон не хотел идти.

– Ладно, наверное, уже часов десять, – сказала она и потянулась за часами, что на всякий случай поставила на полку. – Что?! – был ее возмущенный возглас. Часы показывали только шесть утра. – Я спать хочу, – тут же заявила Света, упала на свою королевскую кровать и, натянув одеяло на

голову, быстро стянула с себя ночнушку. – Здорово, – прошептала она, ощутив свободу от одежды.

Пальчики сами забегали по телу. Она знала его хорошо, уже успела как следует изучить.

– Ойййй... – почти пропищала Света, когда пальчик коснулся бугорка и ушел куда-то чуть глубже.

Ей нравилось свое тело, нравилось его гладить, ласкать. Ощущать себя парящей птицей, которая поднималась все выше и выше, а после устремлялась к земле. И тогда дух захватывал и, перестав дышать, она сжималась, а пальчик все продолжал и продолжал играть.

Света вылезла из-под толстого одеяла, убрала с лица растрепанные волосы и, откинув покрывало в сторону, с улыбкой произнесла:

– Ну, что же, придется быть счастливой, коль других вариантов нет.

Розовая лента

Все самое прекрасное в мире сделано нарциссами. Самое интересное – шизоидами. Самое доброе – депрессивными. Невозможное – психопатами. Здоровые почти не вносят вклад в историю. (П.Б. Ганнашкин «Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика.»

Зиму самую по себе не очень-то и люблю. Не за холод, а за ее темноту, это приводит меня в уныние. Хотя, все же иногда бывают такие дни, что просто в восторге от этих зимних вечеров, от яркого, пронизывающего солнца. Хоть это и бывает редко, но очень здорово. Больше всего зимой не люблю просыпаться, как будто ночь. И что, спрашивается, в такой период времени вообще вставать? Надо спать, но будильник

говорит о другом, что уже семь часов, надо встать, умыться, навести блеск, чтобы все девчонки ахнули, а Генка, то есть Гена, заходя в лифт, снова пялился на меня. Он всегда так делает, как будто больше не на кого смотреть. И все же, мне приятно наводить этот макияж, как будто я делаю это для него.

Сквозь сон слышала трель своего будильника. Специально настроила его на щебет птицы, не очень громко, но приятно. Представляешь, что уже лето, правда еще рано, но лето. Я открыла глаза. Таймер включил в аквариуме свет, и рыбки медленно закружились у кормушки. Их красные хвосты как в невесомости парят, они мне очень нравятся. Смотришь на них и думаешь, что это совсем иной мир, как будто ты подсматриваешь за кем-то. Оно такое чужое. Наверное, это меня и привлекало. Не только их красота, а недоступность для меня, ведь я никогда не смогу вот так плавать.

Высунув нос из-под одеяла, я сразу поняла, что на улице похолодало. Вроде бы и тепло, но чувствовала почему-то, что холодно. Опять надевать эту кучу одежды, ох... Мои плечи инстинктивно сжались. Голова как у улитки пошла вниз под одеяло, и никуда мне вовсе не хотелось идти. Почему-то в этот момент мне вспомнилась моя мама. Когда она приходила по утрам будить, я иногда, чтобы не идти в школу, искала предлог: то заболела, то голова кружится, то озноб. Ну хоть что-то, чтобы не вставать с постели в это черное утро. Но сейчас мамы не было, и подойти некому было. В голове

вертелись мысли. Совесть говорила о том, что уже пора вставать, а второе «Я» говорило: «Да ну эту работу, каждый день одно и то же. И кому она вообще нужна, бумаги, бумаги».

В голове и вправду вертелась куча мыслей. Это было похоже, как будто смешали несколько клубков с шерстью. У каждой ниточки есть начало и конец, но сейчас они представляли собой просто скомканный комок. Так и в моей голове мысли все спутались. Среди них были остатки вчерашнего разговора с Верой, моей подругой, что приходила ко мне вечером и делилась своими впечатлениями о командировке. Тут же были мысли, что похожи на пунктиры, они отражали политику, которую я умудрилась посмотреть по программе «24 часа». Там было много мыслей, и я никак не могла разобраться с ними, чтобы лишнее выкинуть, а нужное оставить. Только начинала о чем-то конкретном думать, как тут же вклинивалась другая мысль, и я практически сразу теряла предыдущую нить.

Так пролежала некоторое время. Но это не помогло, а, наоборот, усугубило. Я поняла, хочу того или нет, чтобы избавиться от этой каши в голове, придется вставать. Я прикрыла глаза. Стало легче, как будто некоторые из них потерялись, испугались темноты, но появились новые. Стало легко. Какая-то мысль, почему-то мне показалось, что она розовая, как шелковая лента проскользнула вдалеке. Ее яркий цвет сразу привлек меня, и все остальные мысли просто-напросто перестали существовать. Я не могла сказать, о

чем эта мысль, она просто была и все. Чувствовала ее настроение, ее тепло. Но о чем она, так и не знала. Лента еще несколько раз скользнула и пропала. Мне стало даже обидно, что вот так и все, нет ее. Я открыла глаза, снова закрыла, но розовая мысль больше не появлялась, зато она меня успокоила.

День был как день. Наверное, он мало чем был похож на остальные. Мы часто делаем одно и то же, это и есть работа. Иногда что-то меняется, и приток новых идей дает тебе огромную энергию, и все вокруг меняется. Уже не так скучна работа, и все выглядит по-иному, есть смысл и цель. Но после и это меняется, и ты снова ждешь очередной идеи, чтобы ее воплотить в жизнь, и все начинается сначала.

В пятницу намечалась корпоративная вечеринка. Сперва к ним не могла привыкнуть. Порой они напоминали мне собрания с бокалом шампанского, а после начала чувствовать прелесть в этом. Что можно сказать на вечеринке, не скажешь в рабочей обстановке. После таких вечеров сотрудники становились мягче, особенно легче входить в коллектив новичку, именно им тогда я и была. Всего боялась, людей, их взглядов, их должностей. Но мой начальник, Олег Васильевич, лет за пятьдесят, толстый мужчина, но живой, ломал мои стереотипы представления как о начальстве, так и о самой компании. После первого же вечера я подружилась практически со всеми. Кроме Ирины Петровны, очень полной и потной женщины из планового отдела разработок и

Ирины... отчество так и не запомнила. Странное оно у нее, по-моему, татарское. Она не худая, но горбится и поэтому напоминает молодую старушку. Вот с ними у меня ничего не получилось. Они смотрели на меня как на врага. И порой казалось, что если бы рядом никого не было, то они меня бы укусили. Вечеринка – это прекрасно, и даже маленькая цель.

Я шла домой и нюхала холодный воздух. Он совсем не похож на летний, несмотря на то, что кругом много машин, гари не чувствовалось, она замерзала. Совсем по-иному пахнут духи на морозе. Они становились звонкими. Кто этого не понимает, то так брызгался... На улице это воспринималось как тонкий и нежный аромат, но стоило их обладателям зайти в помещение... Аромат начинал таять и превращаться в настоящую газовую атаку. Вот именно так и душилась Ирина без отчества.

В общем, день был прекрасным. Вечером я с Верой, моей однокурсницей, и ее мужем Игорем сходили в кино на фильм «Гладиатор». Давно на него хотела сходить, но одна боялась, рассказывали, что много крови, а я боюсь ее. Игорь как маленький мальчишка после фильма пересказывал его, добавляя в сюжет свои реплики вроде: «А он после его... ну и что, надо было... и тогда... Нет, он был неправ, вот если бы... и бух...». Смешно было его слушать, а мне было грустно. Вера пыталась узнать мое мнение о фильме, но я молчала, не могла ничего пока сказать, слишком много «но».

Пришла домой уже поздно. Посмотрела на часы и ахнула:

почти двенадцать ночи, а я даже не успела почитать. Посмотрела на книжку, что оставила прямо на подушке. Но делать было нечего, завтра рано вставать и много дел, а пара страниц, что я прочитаю, только растравят мое любопытство. Поэтому убрала ее подальше, чтобы она меня не дразнила.

Рыбки уже давно спали. И спят ли они вообще, даже не знаю. Кажется, всегда плавают. Вот и сейчас, когда включила слабый свет, они как тени заскользили среди растений. Я любила пить кофе и неважно когда. После него прекрасно засыпаю. Вскипятила чайник, налила кофе, взяла чашечку и пошла в постель.

Утро было такое же черное, как и вчерашнее. Мысли так же путались, как будто их спугнули, и они сейчас метались, ища выход. Но сегодня на улице было теплее, и поэтому я отбросила в сторону одеяло. Легкая прохлада коснулась меня. Руки дернулись к одеялу, чтобы укрыть себя, но я сознательно задержала их. По телу шли мурашки. Они щекотали. Хотелось свернуться, или хотя бы просто пошевелиться, но я терпела, в этом была своя прелесть. Выждав минуту, все же набросила на себя еще теплое одеяло. Можно ли вообще описать эти чувства, когда я укрылась. Легла на бок и, прижав ладошки к щеке, закрыла глаза. Было так приятно, что решила еще пару минут полежать.

Почему-то мыслей не было. Они испарились или испугались этой прохлады, но в голове было чисто. Мне не хотелось ни о чем думать, хотелось просто полежать. И тут я снова

увидела ту самую яркую розовую ленту. В темноте она была одна. И именно потому, что была одна, она так ярко светилась. Постаралась присмотреться к ней. Она была далеко и казалась чужой, но в то же время казалось, что я ее очень хорошо знаю. Чувствовала ее настроение, ее тепло. В груди как-то все заныло. Были знакомые чувства, но какие, не могла припомнить их, но очень знакомые. Лента кружилась как в каком-то танце. Она делала круги, рисовала спирали. То ускоряла свой бег, то как в замедленной съемке повисала в пространстве.

Лента так же внезапно пропала, как и появилась. И все... Стало очень темно, даже казалось, что пропал звук, только звон в ушах выдавал себя, а больше ничего не было. Лежала с закрытыми глазами и пыталась думать, но ничего не получалось. Я как маленький котенок, который только что игрался с бантиком, и вдруг его убрали, озираясь по сторонам, ища розовую ленту, но ее нигде не было. Прижала руку к груди, стараясь сохранить то чувство, что возникло минуту назад. Мне не хотелось открывать глаза, я и так все видела. Горячая ладонь лежала на груди. Она жгла меня. С трудом начала приходить в себя и осознавать, до какой степени горячая ладонь. Она не просто была горячей, она обжигала. Стоило мне подумать об этом, как инстинктивно приподняла руку, как будто она действительно меня обожгла. Я открыла глаза и с недоумением посмотрела на ладонь. Потрогала ее. Ладонь как ладонь, ну может чуть теплее чем обычно.

На следующее утро все повторилось и на следующее опять. Я начала привыкать к розовой ленте. Но она меня не подпускала близко, как будто боялась. Стоило мне присмотреться к ней, как она тут же удалялась, все так же плавно извиваясь в пространстве. Лента интриговала, но большей частью не она, а то чувство, что создавала во мне, когда появлялась. И чем ближе она была, тем эти чувства были сильнее. Они были очень знакомы, но я так и не могла разобраться, что это за чувства. Лишь только в субботу, после той самой вечеринки, лежала утром, знала, что спешить некуда, но проснулась по привычке. Я уже не дремала, но и не проснулась, находилась в каком-то состоянии между сном и реальностью. Мой мозг работал отчетливо, он мыслил и рассуждал, как будто разговаривала сама с собой.

Лента выскользнула из ниоткуда так близко, что я даже испугалась. Она оказалась очень широкой. Я смогла рассмотреть на ней клеточки ткани, но в движении они сливались и казалось, что она не просто переливается, а еще и отражает меня. Себя я в ней не видела, лишь только какую-то смутную фигуру. Но в ней я узнала себя, прическу, осанку и даже цвет волос.

Я не знаю, спала ли я в этот момент. Наверное, да, поскольку мои мысли работали с такой скоростью, что описать их не могу, слишком было много всего. Что такое сон и реальность? Говорят, что сон – это продолжение реальности, то, о чем ты думал, имеет продолжение в наших снах. Не

знаю, так ли это. Возможно. Но почему-то очень часто во сне происходит то, о чем ты и не думал. Оно само происходит, то ты героиня, то банкирша. Какое отношение я имею к банку? Не люблю этот вид бизнеса. А иногда я становлюсь в виде простой женщины, которая что-то делает, какие-то чертежи, а после убегает, мчится на машине, что это? Как бы я ни пыталась, но ответа на свои сны не могла найти. Даже порой было обидно.

Лента продолжала скользить как по экрану. Я не поворачивала головы, поскольку боялась упустить ее из виду. Она залетала мне за спину, а после снова появлялась. То сверху, то сбоку, то где-то вдалеке, но она всегда была где-то тут. В какой-то момент я заметила, что она уже не одна, а две. Меня это не удивило. Но стало труднее смотреть. Уделяла внимание то одной, то другой. Но, как ни странно, той, что была ближе всего ко мне. Их танец продолжался все так же медленно и изящно. Мне хотелось их коснуться. Я протянула руку вперед. Ленты взметнулись вверх и тут же устремились к моей руке, как будто они видели, как будто у них были глаза.

Прикосновение прошло незаметным. Ожидала чего-то большего, но его не было. Однако за этим разочарованием через какое-то мгновение я почувствовала, что во мне что-то нарастало. Что? Я не могла этого сказать, просто нарастало и все. Будто внутри что-то росло. Чувствовала это, и только от этого ощущения мне захотелось улыбнуться и закричать.

А после все пропало. И ленты, и темнота, лишь осталось то внутреннее ощущение. Я замерла в надежде, что все вернется. Прошли секунды, и чернота постепенно сменилась сияющим светом. Он не резал глаза, а просто заполнял все вокруг белым светом. А после я почувствовала прикосновение. Прикосновение руки. Это было так необычно, поскольку во сне все происходило иначе, я никогда не чувствовала ни запахов, ни вкуса, ни прикосновения, но сейчас оно было.

Кто-то нежно коснулся моей спины, и это была ладонь. У меня и без того были закрыты глаза, но я постаралась закрыть их и во сне, и это удалось. Видела себя со стороны. Я скользила вокруг своего тела, а за спиной стоял мужчина в черном костюме, строгий галстук и часы. Он нежно гладил мою шею, спину, руки. Рассматривая себя со стороны, я почувствовала его теплые губы, поцелуи. Мне хотелось растаять.

Сон – он на то и сон, что в нем только я и больше никого. Никто не увидит меня, никто не узнает, о чем думаю, что вижу, что чувствую. От этой мысли мне стало так спокойно. Мои руки опустились, плечи ослабли, напряжение пропало, и я растворилась сама в себе. Я медленно вращалась вокруг себя. Лица его не видела, наверное, потому, что мне было не это интересно, но я чувствовала его руки.

Мой взор скользнул по кругу и вернулся на прежнее место. Сейчас я ощущала уже другое, он был не один... Их было двое и оба в черных костюмах. Это было странно,

но именно так. На их фоне я выглядела белым мотыльком. Только сейчас поняла, что на мне уже нет одежды. Не знаю, была ли она вообще, не помню, но сейчас ее не было. Я смотрела не на них, а на себя. Стало интересно свое тело, неужели оно у меня вот такое.

Ход мыслей был прерван, его разорвали, прогнали. Внутри все горело. Хотелось расплавиться. Мне не хотелось двигаться, вообще ничего делать. Они это поняли в ту же секунду, как об этом я подумала.

Их было двое, но почему двое? Один целовал меня в губы, и я ему отвечала. Он гладил мой живот, и я подставляла его ему. Другой обнимал со спины, и я плотнее прижималась к нему. Он коснулся моей груди, я чувствовала ее. А после... а после мы просто обнимались и целовались. Я не смотрела на них, но видела все, как будто подсматривала сама за собой. Обратила внимание на то, что как перед камерой красуюсь, поворачиваясь то одним боком, то другим, то вытягивая руку вверх, то вдоль тела. Не просто смотрела, я еще и чувствовала.

А после один из них согнул мои ноги в коленях, приподнял их к моей груди. Сел напротив меня, взял мои ноги за ступни, поднял из вверх, а после развел их в разные стороны. В какой-то момент я попыталась сопротивляться. То ли стыд заставил, то ли что-то иное. Их руки были сильными, если вообще можно сказать что-то о силе. Их руки даже не дрогнули, как будто я ничего и не предпринимала. А после

ко мне вернулись уверенность и спокойствие. Ведь это сон, а во сне может быть только сон. Мои мышцы ослабли, и я опять растворилась в себе.

Смотрела со стороны. Мой полет продолжался. Он то замедлялся, то ускорял свой путь. Внутри то нарастала животная страсть, то отходила. Мне хотелось досмотреть, но чувства мешали. И в какой-то момент потеряла мысль.

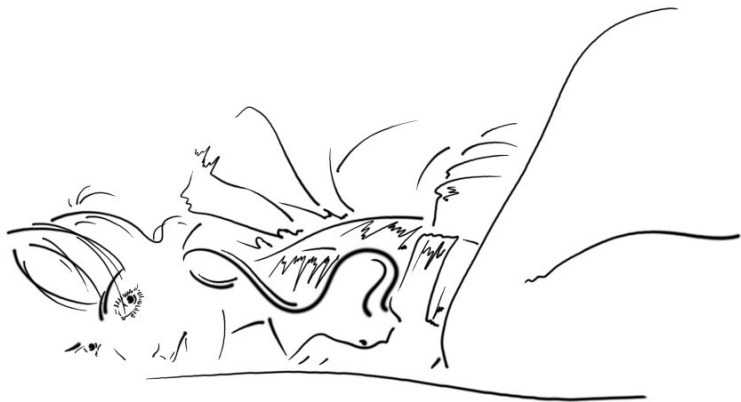
Все потерялось. Все. Голова кружилась, хотелось открыть глаза, но открыв их, я снова видела себя, и опять их руки касались меня, и снова чувства захватывали и снова проваливалась сама в себя.

Это был не танец и не фантазия, это был сон. В конце концов я увидела ленту. Она так быстро пролетела передо мной, что даже немного испугалась и поэтому быстро открыла глаза. Я смотрела на потолок. Ресницы хлопали не переставая, будто в глаз попала соринка. Не понимала, что происходит, и почему я лежу. Пока я собиралась с мыслями, все пропало. Вот только что? Я так и не могла понять что?

Сон имеет странные свойства. Пока мы спим, мы все отчетливо помним. Проснувшись, мы тоже помним. Но проходит порой всего несколько секунд, а порой и мгновений, и все пропадает, как будто ничего и не было. Странное это состояние. Игра ума, плод воображения, или все это наши выдумки и ничего не было. Но сон был, и я его еще какое-то мгновение помнила, но с каждой секундой в памяти стирались очередные моменты. И в конце концов ничего не оста-

лось, только слабый образ и то сильное ощущение, которое я испытала. После часто про него думала, но уже добавляя в него свои дополнительные оттенки, нюансы, свои пожелания, но чувства остались прежними.

Сон

Сон был какой-то странный. Я открыла глаза и нерешительно посмотрела на будильник, еще 6:30. Так рано! Удивилась и тут же прикрыла веки. Что-то там было, что? В голове загудело. Будто ища выход, какая-то мысль заметалась и тут же растаяла. «Ой», – с сожалением сказала я и постаралась вспомнить свой сон. Руки, губы. Ах, почему-то прошептала про себя. Что это было? Опять открыла глаза, прищурилась, еще темно.

Сон какой-то странный, вот вроде бы тут, и уже нет. Старалась вспомнить, ну хоть что-то. Руки, руки, они такие теплые. Почему? Не то туман, не то дымка от костра, когда осенью жгут листву. Опять ночные воспоминания, вот они. Я напряглась, губы, и этот яркий теплый луч солнца. Что это? Зачем я себя спрашивала? Надо найти ответ, а что было дальше?

Опять закрыла глаза и сразу увидела листву, деревья и желтую бабочку, что пыталась сесть мне на коленку. Губы улыбнулись, чуть прищурилась от удовольствия и руки скользнули под одеяло. Тепло, так тепло, будто лежу в поле, там, где летом с Верой искали белые камушки, похожие на кристаллы.

Я вспомнила, что во сне чувствовала что-то очень необычное, этого еще не было со мной, но что? Что это было? Ой, тихо прошептала себе, и ладонь легла на живот. Что это? Опять губы, чьи они? Такие мягкие, такие нежные. Рука скользнула вверх, коснулась шеи и сразу подушечки пробежались по губам. Я вздрогнула и тут же улыбнулась. Приятно, так нежно, так спокойно и так... А что так? Опять это странное ощущение из моего сна.

Что там было дальше? Что? Но сон так быстро таял, что я уже не успевала ничего рассмотреть. Руки растворились. Подул слабый ветерок и образ ночного соблазна стал пропадать. «Ой», – с сожалением прошептала я, но сделать уже ничего не могла. Сон распадался, он уходил от меня. Еще

мгновение и все... Все... Ничего не осталось. Я пробовала вспомнить, что дальше, но... Совсем ничего, будто и не было, но... Я помню его, там что-то было такое, такое... «Ах», — опять прошептала я, пальчики, соскользнув с губ, пробежали по шее.

Открыла глаза, 6:31, уже? Возмутилась я, мне не хотелось вставать, не хотелось покидать свою кровать и свои воспоминания. Но о чем они? Я уже не знала, но помнила то состояние, что испытала. Как его описать? Я задумалась и, тут же закрыв глаза, постаралась вспомнить. Руки опять скользнули под одеяло, стало так уютно и так тепло. Я прогнулась, будто потягиваюсь и тут же сжалась, обхватив руками колени.

Ах, как это чудно. Пальчики играли, они пытались залезть под бесформенную футболку, что вчера утщила у папы, все равно он ее не носит, дырявая. В глазах плавал розовый туман, он убаюкивал, пел мне какие-то песни, но я не понимала их. «Ой», — прошептала про себя, когда пальчик коснулся груди. Да, точно, именно это я помню, это было во сне.

Я заулыбалась, опять потянулась, ладони легли на грудь и пошли вверх. М... Как это приятно. Как странно, почему? Этого никогда не было. Я опять провела ладонями по еле выступающей груди, и опять это странное, теплое, чуть щекочущее состояние. Пальчики пробежались от живота вниз и тут же обратно вверх. Казалось, что за ними бегают искорки, что покалывают меня. Чуть вздрогнула и опять пальчи-

ки. Ай, как это удивительно, я раньше этого не чувствовала.

Отчего-то сердце гулко стукнуло, будто барабан. Я резко открыла глаза, моргнула, но реальность мне не понравилась и опять закрыла их. Розовый туман кружился вокруг меня. Он касался моих ног, шеи, плеч. Я крутилась на месте, будто висела в воздухе, хотелось, чтобы он коснулся спины. В ногах защекотало, дернула ими, будто сбрасываю покрывало. Опять улыбка. Что со мной?

Я вспомнила эту ласку, что окружала меня во сне. Но почему? Пальчики бегали по телу, будто что-то искали. Тепло, еще теплее, ой, холодно, и они тут же возвращались обратно. Что-то знакомое, оно вот тут совсем рядом. Рука легла на живот. Я тяжело дышала, почувствовала биение сердца, замерла и вот опять. Рука ушла вверх.

Мне казалось, что я стою над обрывом, теплый воздух дует мне в лицо, и чьи-то ладони, плотно прижимаясь ко мне, поднимаются вверх. Я вздрогнула, еще плотнее закуталась в одеяло. Теперь меня никто не видит, и пальчики тихо устремились вверх. Ох... Слабый выдох в тот самый момент, когда они коснулись ягодки, что еще не созрела.

Что это было? Как-то все странно, но так тепло и спокойно. В груди что-то затрепыхалось, будто бабочка, что я поймала и закрыла ладонями. Ой... Опять дернулась. Палец снова коснулся соска, и эта сладкая истома прошла по спине, заставляя вытянуть ноги. Ах... Тихо шепчу сама себе и снова касаюсь то одной, то другой ягодки. Не то щекотка,

не то слабый зуд. Прижала ладонь, не дышу, чувствую, как сердце бьется, совсем рядом, оно вот тут. От удивления открываю глаза и стараюсь понять, что происходит.

Сон давно уже растворился, я даже не знаю, про что он был, но эти ощущения, они точно из ночных видений. Зарываюсь с головой под одеяло, тяжело дышу, жарко, но именно этого я и хочу. Пальчики играют, кажется, они, знают, что делать. В груди покалывает, искорки как от костра разлетаются по всему телу. Я дрожу не то от холода, не то от палящего жара, что где-то там внутри меня начал полыхать.

Пальцы как угри скользят вниз и уходят куда-то меду ног. Замираю, чего-то жду, боюсь выдохнуть. Оно тут, чуть касаюсь пальчиком и сразу слабый укол. Вздрагиваю, но руку не убираю. Снова касаюсь и опять укол. Тяжелый и протяжный выдох. «Ах...» – Произношу я, и становится совсем жарко. Пальчик бежит дальше, искорки следуют за ним, вздрагиваю и, тут же улыбнувшись, открываю рот.

Мне не хватает воздуха, я задыхаюсь. Отбрасываю одеяло. Сон, это было там. Рука резко опускается, и ладонь скользит от провалившегося живота вниз и тут... Мягкие волосы, пальчик вытягивается и касается гребешка. «Ой...» – Шепчу сама себе и как можно сильнее жмурю глаза. Пальчик дергается. «Ой...» – Повторяю опять и снова эти воспоминания из сна.

Очень необычное ощущение, будто откинула штору, и тебя коснулся летний луч света. Тепло, очень тело. Нет, даже

горячо, ужасно горячо. Обжигает. Горит. Больно. «Ой...» – Почти вскрикиваю. «Больно, больно...» – Шепчу и все сильнее прижимаю пальчик к пылающему гребешку.

Сон давно уже ушел, все растаяло, будто и не было. На часах 6:58. Рука тянется к будильнику, чтобы отключить его, но на полпути зависает и безвольно падает на одеяло. Почему-то мне ужасно хорошо. Это странное состояние. Что это было? Пробую вспомнить, но мысли обессилили и, также как и рука, не хотят шевелиться. Ну и ладно, говорю себе и, еще раз закрыв глаза на минутку, ухожу в прошлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.